

СТРУКТУРА ЧЕРКЕССКИХ БРАТСТВ ПО СВЕДЕНИЯМ АНГЛИЙСКОГО ЭМИССАРА НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ ДЖ.С. БЕЛЛА (1837–1839)

Э. В. Казиев

В статье на основе анализа оригинальных англоязычных терминов, использованных Дж. С. Беллом для обозначения родственных групп, а также эквивалентов этих терминов в русском и адыгских языках, рассматривается структура родовых коллективов, принятая у черноморских черкесов (убыхов) в первой половине XIX в. Приводится критика переводов соответствующих фрагментов в русскоязычных изданиях «Дневника» Белла. Кроме того, разбирается ряд аналогичных терминов в языках таких народов Северного Кавказа, как ингуши, чеченцы, осетины, народы Дагестана, а также приводятся соответствующие термины, имевшие хождение в русском языке. Ряд этих терминов сопоставляется с современным научным термином «патронимия», используемым в отечественной традиции для обозначения патриунилинейных родственных групп. На этой основе упорядочиваются возможные межъязыковые соответствия в терминологии и указываются обозначаемые этими терминами родовые структуры, присущие социальной организации перечисленных народов Кавказа. Проведенное исследование позволило установить, что Белл для описания порядка организации черкесских братств употреблял такие оригинальные англоязычные термины, как *fraternity* (братство), *clan* (клан) и *sept* (*септ*). Делается вывод о том, что последние два термина использовались для уточнения значения термина *fraternity* (братство), которым автор также обозначал сопричастный родственный союз. Отмечается, что отсутствие в современном русском языке эквивалентов терминам *sept* (*септ*) и *clan* (клан), ведет к использованию для их перевода слова «род», которое не является их полным эквивалентом. Неопределенность передаваемого им понятия, в свою очередь, ведет к путанице и двусмысленностям, устраняемым при употреблении указанных оригинальных терминов, использованных Беллом для описания порядков организации родственных коллективов черкесов, и имеющих хождение в современной научной традиции.

Ключевые слова: родство, *септ*, братство, клан, патронимия.

The article analyses the original English-language terms used by J. S. Bell to designate related groups as well as the equivalents of these terms in Russian and Adyghe languages and on this basis the structure of tribal collectives adopted by the Black Sea Circassians (Ubykhs) in the first half of the 19th century is considered. Critique of translations of the corresponding fragments in Russian-language editions of Bell's «Journal» is given. Besides, the article analyses a number of similar terms in the languages of such peoples of the North Caucasus as Ingushes, Chechens, Ossetians, the peoples of Dagestan and analogous terms that have been circulating in the Russian language. A number of all these terms is compared with the modern scientific term «patronymy», that is used in the tradition of Russian ethnology to designate patri-unilinear related groups. On this basis the article arranges possible interlingual correspondences in the terminology and indicates the patrimonial structures, that are denoted by these terms, which are inherent in the social organization of the enlisted Caucasian peoples. The study made it possible to assert, that Bell used such original English terms as «fraternity», «clan» and «sept» to describe the order of organization of Circassian brotherhoods. The conclusion is drawn, that the latter two terms were used by Bell to define the meaning of the term «fraternity», with the help of which he also denoted juratory alliances. It is noted that the absence in Russian language of equivalents of the terms «sept» and «clan» leads to using of the word «genus»

for their translation, that is not their direct equivalent and, taking into account uncertainty of its concept in Russian science, in turn leads to confusion and ambiguity, that could be eliminated by using Bell's original English terms, which as well have circulation in the modern scientific tradition.

Keywords: *kinship, sept, fraternity, clan, patronymy.*

Дж. С. Белл, проживший среди черноморских черкесов (убыхов) с 1837 по 1839 гг. и оставивший подробное описание своего пребывания, приводит множество сведений об их социальном строе, одной из главных характеристик которого является наличие так называемых *братств (fraternities)*. При своей, на первый взгляд, кажущейся простоте термин *братство* не всегда однозначен в повествовании Белла, уточняющего его смысл с помощью других терминов, обозначающих родственные группы в английском языке, но не имеющих равнозначных эквивалентов в языке русском, и по этой причине не всегда верно интерпретируемых при переводе. Кроме того, разнообразие терминов, обозначающих корпоративные родственные объединения в зарубежной научной традиции, и узость аналогичной терминологической базы в традиции отечественной науки ведут к их широкому заимствованию из первой традиции в последнюю (ср.: *линидж, клан, сиб, рэмидж, септ, генс* и пр.), что еще в большей степени затрудняет их правильную интерпретацию при передаче тех или иных конкретных сведений [1, 29]. Сопоставление адыгских, английских и русских терминов, используемых при описании структуры черкесских братств, а также терминов, обозначающих соответствующие понятия у ряда других народов Кавказа, позволит упорядочить возможные межязыковые соответствия и более точно интерпретировать сведения о социальном строе черкесов, представленные в повествовании Белла.

Прежде всего, следует сказать, что из этого повествования не всегда бывает ясно, что именно Белл подразумевал под словом *братство*. Однако именно этот русский эквивалент английского слова *fraternity* был использован в избранном переводе его «Дневника», выполненном Н. Данкевич-Пущиной, и оставлен без каких бы то ни было комментариев со стороны редактора этого перевода В. К. Гарданова [2, 478, 484], хотя в англоязычном тексте приводится оригинальный адыгский термин *tlebush (тлеуш)*, который Белл переводит словом *seeds*, имеющим значения, кроме прочих, 'семья' и 'потомство', и поясняет, что термин *тлеуш* обозначает у адыгов «общества или братства» (*societies or fraternities*) [3, 347]. В полном переводе «Дневника» Белла, представленном К. А. Мальбаховым, слово *seeds* переведено как «поколение, род, происхождение» [4, 331].

Далее в своем тексте Белл уточняет, что члены каждого такого *тлеуша* «происходили из одного рода или имели общих предков» (*sprang from the same stock or ancestry*) [3, 347]. Не вполне понятно, почему Мальбахов переводит эту фразу описательно и обобщенно — «члены каждого тлеуша имеют общую для всех родословную» [4, 331], — поскольку английское слово *stock* имеет однозначные эквиваленты в русском языке: 'семья', 'род'. Само же русское слово *род*, по мнению О. Н. Трубачева, восходит к ст.-слав. *родъ, родити*, представляющему собой результат вторичного развития значения и фонетической формы славянского **ordъ, *orditi*,

которое родственно арм. *Ordi*/сын, хетт. *hartu*/правнук, и, через славянское же **orsto* (ст.-слав. *растѣ, расту*), сближается с лат. *Arbor*/дерево в значениях «высокий», «верх», которые можно интерпретировать как «выросшее, выросший» [5, 88]. Кроме того, что английское слово *stock*, использованное Беллом, через среднеанглийское *stok* восходит к староанглийскому *stoc*/ствол дерева [6, 1517]. Очевидно, английское *stock*, и русское *род* подразумевают через идею роста (дерево — ветви) коллективы генетических родственников, восходящих к одному предку. Слово «родословная», которым Мальбахов переводит оба английских слова *stock* и *ancestry*, передает одно из значений слова *ancestry* (наряду со значениями 'предки', 'прародители'), в котором оно может подразумевать не только генеалогическую группу или совокупность таких групп, но и группу, включающую декларативных (приписанных) родственников, которые могут принадлежать к разным родам, но быть объединенными вокруг той или иной ядерной кровнородственной группы [7, 42-43]. Такое объединение уже в большей степени является социальным, а не родственным.

Заметим, что и Белл рассматривает эти объединения («общества или братства») как «септы или кланы» (*septs or clans*) [3, 347], тогда как Мальбахов переводит первый из этих терминов словом *род*, а второй оставляет без перевода, лишь транслитерируя его кириллицей: «их (членов каждого *тлеуша*. — Э. К.) ... можно считать членами одних и тех же родов, или кланов» [4, 331]. Как видно из приведенной цитаты, Мальбахов зачем-то еще и отделяет запятой второй термин в этой паре (*клан*), в результате

чего этот термин предстает в русском переводе как пояснение первого, хотя он таковым не является. И в оригинальном тексте Белла нет никакого пунктуационного разделения этих терминов, а есть лишь их противопоставление, произведенное при помощи разделительного союза.

Следует сказать, что в первой половине XX в. термин *клан* употреблялся британскими антропологами для обозначения любых *унилинейных* кровнородственных групп, члены которых признавали свое происхождение от общего предка по отцовской или материнской линии, но не всегда могли проследить действительные генеалогические связи между собой [7, 67, 47]. Такой же смысл вкладывал в это понятие столетием ранее и Белл. Так, во втором томе своего «Дневника», рассказывая о «самом многочисленном на всем побережье» убыхском роде *Берзек*, он обозначает этот род не словом *clan*, но словом *sept* [8, 90], которым в английском языке называют семейно-родственные группы, восходящие к одному общему предку или предкам. Термин *sept* действительно схож по своему значению с термином *клан*, которым Мальбахов и передает здесь слово *sept* [9, 68], тогда как, переводя пассаж Белла о братствах у черкесов, рассмотренный нами выше, он передает слово *sept* русским словом *род* [4, 331], имеющим более общее значение в сравнении с английским *sept* и в отечественной научной традиции передающим понятие с неопределенным содержанием, дающим лишь общее представление о реально существующих кровнородственных корпоративных объединениях людей [1, 27], членам которых могут быть вовсе неизвестны их генеалогические связи с родовым предком [10, 99].

Кроме того, между терминами *sept* и *клан* имеется и другое различие, состоящее в том, что родственные семейные группы, обозначаемые термином *sept*, должны всегда иметь общую территорию проживания, тогда как термин *клан* имеет более общее значение, в котором смысл территориального единства родственников может присутствовать не всегда. Толковый словарь Н. Уэбстера издания 1898 г. определяет *clan* как гаэльское слово, родственное ирландскому *clann* и обозначающее *род (tribe)* или *совокупность (collection) семей (families)*, объединенных *вождем (chieftain)* и носящих *общее имя (surname)* [11, 156]. Слово *sept* этот же словарь отмечает как наиболее употребляемое в древней Ирландии и определяет как *клан* или *род (clan or family)*, происходящие от общего прародителя [11, 741]. В современной научной литературе термин *sept*, как и термин *рэмидж*, обозначает *амбилинейные* родовые структуры, у членов которых имеется представление о едином предке, к которому каждое следующее поколение может возводить свою линию происхождения через одного из непосредственных родителей, порождая комбинацию чередующихся мужских и женских связей [12, 881]. В отличие от *рэмиджа sept* является менее структурированной кровнородственной группой, в которой не учитываются генеалогические связи, и в которой нет соответствующего внутреннего членения [12, 881]. Что касается термина *клан*, то он (наряду с терминами *линидж*, *род*, *сиб* и пр.), как уже говорилось, используется в современной научной традиции для обозначения *унилинейных* родовых структур [1, 76].

Далее в своем тексте Белл упоминает еще один большой убыхский род *Тшупако (Tshupako)*, который он называет *союзно-родственным (allied)* роду *Берзек*, и уже оба этих рода он называет словом «братство» (*fraternity*) [8, 90]. Здесь необходимо отметить, что это предложение в переводе Мальбахова передано совершенно неверно и имеет смысл, отличный от смысла оригинального предложения Белла. При сопоставлении обоих предложений это несложно увидеть: *It is allied to the equally eminent sept Tshupako of the north, forming thus a most powerful fraternity*, — оригинальное предложение из текста Белла [8, 90]; *Он является союзником не менее знатного северного клана Чупако, который тоже образует одно из самых могущественных братств*, — это же предложение в переводе Мальбахова [9, 68]. Очевидно, что слово *forming*, будучи безличной глагольной формой (герундием), в оригинальном предложении соотносится не только с дополнением, выраженным словосочетанием *the equally eminent sept Tshupako of the north*, но и с подлежащим, выраженным местоимением *It*. Если бы слово *forming* соотносилось только с дополнением *the equally eminent sept Tshupako of the north*, то сразу после него в предложении следовало бы указательное местоимение *that*, безличный герундий стал бы глаголом в третьем лице единственного числа настоящего неопределенного времени (*forming>forms*), наречие *thus (так, таким образом)* было бы заменено наречием *also* (в русском варианте — производным союзом *также*, использованном в переводе Мальбахова), а все предложение выглядело бы следующим образом: *It is allied to the equally eminent sept Tshupako of the north that also forms*

a most powerful fraternity. Столь подробное рассмотрение синтаксиса этого английского предложения может показаться излишним, однако его правильное понимание позволяет представить его адекватный перевод, что в свою очередь поможет разобраться в том, что именно Белл понимал под понятием *братство*.

Б.Х. Бгажноков, использовавший в том числе и рассматриваемое предложение из «Дневника» Белла в переводе Мальбахова для определения понятия «черкесских братств», несмотря на неточность перевода, совершенно верно предположил, что братства «рассматривались изначально как союз кланов, имеющих общие корни по отцовской линии» [13, 14]. Именно это и утверждает в своем предложении Белл: «Он (*септ* Берзек. — Э. К.) является родственным и союзным не менее знатному северному септу Тшупако, образующим таким образом одно из самых могущественных братств» [8, 90]. Совершенно верное предположение Бгажнокова о структуре «черкесских братств» требует, таким образом, небольшого терминологического уточнения. Вместо слова *клан* здесь правильнее использовать слово *септ*, поскольку, во-первых, именно это слово использует сам Белл, и, во-вторых, между понятиями, выражаемыми терминами *клан* и *септ*, имеется существенное различие, состоящее в том, что второй из этих терминов предполагает исключительно резидентную группу кровных родственников, тогда как первый из них может подразумевать такую группу лишь в качестве генеалогического ядра родственного коллектива, остальные члены которого могут просто приписывать себя к нему, становясь братьями

и сестрами по клану после совершения обрядов инициации [7, 42-43, 68].

Соединив сведения, представленные Беллом, и их интерпретацию Бгажноковым, можно утверждать, что «черкесское братство» — это изначально союз *унилокальных* кровнородственных коллективов (*септов*), все члены которых имели общие корни по отцовской линии и впоследствии могли объединяться в *кланы* и *родовые союзы*. Последние представляли собой формы искусственного родства, называемые *соприсяжными братствами*, объединяя несколько кланов на основе общей присяги [8, 90; 13, 14-15]. У кабардинцев такие братства назывались *тхъэрылуэ къуэц* — ‘соприсяжное братство’ или ‘клятвенное побратимство’ [14, 12].

Л.И. Лавров, приводя те же сведения Белла «о крупнейшем убыхском роде Берзеков» в своем описании социального устройства убыхов, сравнивает этот род с большим патриархальным родом, живущим «рассеянными большими семьями», ведшими самостоятельное хозяйство. Уточним, что Лавров использовал немецкий перевод дневника Белла, в котором слово *септ* переведено словом *Geschlecht* — род, а слово *fraternity* переведено словом *Brüderschaft* — братство [15, 450; 16, 56]. Добавим, что английское слово *fraternity* этимологически восходит к латинскому *frāternitās* (через форму винительного падежа *frāternitātem*) [6, 619], которое в свою очередь этимологически близко древнегреческому *φράτριά* — род, колено, термину, обозначавшему во времена Гомера родственное объединение, состоящее из нескольких взаимобрачующихся родов, или в догомеровское время — мужской союз, соответствующий этому объединению [17, 96-99, 105]. В осетин-

ском языке этим терминам этимологически соответствует термин *арвадәлтә*, являющийся формой множественного числа слова *арвад/арвадә* — брат, родич, однофамилец, образованного от иранского *bratar-* (путем метатезы ‘согласный+р’, дающей в осетинском ‘р+согласный’ с предшествующей протезой ‘æ’, и спирантизации согласного ‘б’ во внутренней позиции, с добавлением древнеиранского суффикса основы *-әл*) [21, 60], и обозначающий большую группу родственников из различных фамилий, считающих себя братьями через возведение своего происхождения к общему *патрилинейному* предку.

У черкесов, как и у других народов Кавказа, кровное родство также определяется по мужской линии, связывая потомков одного прародителя. Для выделения группы кровных родственников, обычно используют слово *лвы* — кровь: *лвыкIэ кыдыгуохьр* — кровью с нами связанные, *дилъ ицIэтиц* — в их жилах течет наша кровь [14, 12]. При обозначении кровного родства по мужской линии почти повсеместно используется термин *лАкъуэ*, представляющий собой композит, состоящий из элементов *лвы* — мужчина и *къуэ* — сын, который в дословном переводе означает ‘сыновья мужчин’ [13,13]. У кабардинцев такая родственная группа называется *лвыбын* — потомки одного мужчины или, как и у всех адыгов, *унэкъуэц* — братья по дому, причем среди них могли различаться *унэкъуэц благъэ* и *унэкъуэц жыжьэ* — ближняя и дальняя родня соответственно, точнее, ближние и дальние сыновья, «унакоши» [13, 14]. Заметим, что термином *благъэ* адыги также обозначают свойственников, к которым относят кровных родственников, своих зятьев и невесток [14, 12].

Каждый адыгский родственный коллектив имел своего формального главу (*лАкъуэ тхъэмадэ, лъэккыым, нэхъыжь*), а также свою фамилию (*лАкъуэцIэ/лъэккыыцIэ*), и мог насчитывать от нескольких десятков до нескольких сотен семей, достигая иногда численности в десятки тысяч человек. Многие семьи в таких родственных коллективах жили «разобщенными группами на удаленных друг от друга территориях», что затрудняло или вообще делало невозможным установление кровной связи «между всеми носителями подобных фамилий» [13, 13]. Однако эту связь легко проследить в локальных группах, члены которых осознают «общность своего происхождения по отцовской линии» вплоть до имени прадеда в седьмом колене [13, 13]. По мнению Бгажнокова, такая группа семей образует *патронимию* — «более узкую, чем клан, и вполне реальную форму родства, известную у адыгов, в особенности у восточных, под названием *зэунэкъуэц/потомки сыновей одного дома* [13, 13]. Термин *зэунэкъуэц* образуется путем прибавления к термину *унэкъуэц* — братья по дому, префикса взаимности ‘зэ’, обозначающего синхронность и идентичность ролей в отношении членов той или иной группы в структуре родственного коллектива; ср.: *зъэц (зэкъуэц)* — братья (букв. собратья) и т.п. [14, 13] Некоторое множество патронимий составляет большой *клан* [13, 13].

Известно, что термин *патронимия*, принятый в отечественной традиции, был предложен советским этнографом М. О. Косвеном, обозначавшим им родственный коллектив, состоящий из нескольких больших и малых семей, выделившихся из одной большой и являв-

шихся самостоятельными единицами, но сохранявшими в некоторых отношениях свое хозяйственное, общественное и идеологическое единство. Согласно Косвену, первая фаза развития патронимии относилась «к начальной стадии истории патриархально-родового строя», еще сохранявшей «первобытно-общинные черты», тогда как вторая фаза развития патронимии фиксировала уже ее распад, наступавший вместе с уходом первобытной эпохи [19, 98]. Ю. В. Бромлей, в отличие от Косвена, возводил эту форму родовой организации к архаичному материнскому роду, распад которого, по его мнению, мог происходить через *авункулокальность* и предполагал появление исключительно братских семейных общин, а также возможность наследования в первую очередь по *коллатеральной*, а не по прямой нисходящей линии [20, 204, 206, 207-209]. В конце 60-х — 70-е гг. XX в. складывается «новая концепция патронимии», рассматривавшая эту форму социальной организации как свойственную именно «классовым обществам» и совершенно отличающуюся от рода и родовой общины [21, 36]. Добавим, что в современной этнологии *матри-* и *патрилинейные* формы корпоративных родственных объединений вообще не рассматриваются как явления, исторически предшествующие одно другому, и не считаются характерными исключительно для классовых обществ, а соотношение *линейных* и *латеральных* классифицирующих номенклатур родства, *линейных* и *латеральных* родственных групп и структур реальных родственных коллективов является дискуссионным вопросом [1, 29, 49, 53, 76].

Следует сказать, что «семейные общины с братской структурой» известны

по шумерским документам с XXIII в. до н.э. [20, 205]. В целом феномен братских общин имеет очень широкую географию и хронологию, и в Европе такого рода структуры существовали вплоть до XIV в. [20, 204-207, 209], а сами народы Европы еще «до середины XIX в. не считали отцовство фактом биологии» и могли рассматривать его как «культурную конструкцию», связанную с осуществлением функции кормления потомства [10, 80-81]. Впрочем, соотношение терминов в системе тех или иных классифицирующих номенклатур родства, обозначаемых этими терминами тех или иных родственных коллективов как самостоятельно воспроизводимых хозяйственных единиц [1, 35], а также форм собственности в этих коллективах и порядков ее владения есть тема для отдельного исследования.

В отношении адыгов заметим, что анализ термина *Лыбын* — сыновья мужчин (см. выше), осуществленный Х. М. Думановым на основе архивных материалов о численности и формах семьи среди кабардинцев 40-х гг. XIX вв., показывает, что кабардинские патронимии этого времени образовались не в результате распада архаического рода (*лвэпкь*), а в результате «сегментации большой семьи классового общества» [22, 8]. Э. Л. Коджесау указывает, что такая группа семей или близких родственников обозначается у адыгов термином *зымэиIуанIэ IукIыгьэх* — от одного огня отделившиеся, или термином *лвэхъучмыгоиц* — неразделенная цепь [23, 115].

В пользу того, чтобы видеть в адыгских братствах коллектив родственников, некогда составлявших одну большесемейную группу, также говорят сведения, представленные Беллом, согласно которым каждое братство

(*fraternity*) должно было помогать, в установленных долях, выплачивать штрафы за убийство, если к таковым приговаривался кто-либо из членов семей, входящих в это братство, или выкупать члена братства, приговоренного судом старейшин к смерти, если братство было несогласно с приговором [8, 237; 2, 519]. Композиционные выплаты за кровь, получаемые потерпевшей стороной в случае примирения, также делились между всеми членами братства, и ближайшие родственники (*immediate relatives*) убитого получали лишь немногим более из этих выплат, чем остальные члены братства [3, 203]. Кроме того, после смерти кого-либо из членов братства, его жена, будучи купленной на его средства и являясь «собственностью» братства, отдавалась в жены без всяких выплат другому его члену при условии содержания ее детей; если же она хотела выйти замуж за члена другого братства, то ее дети должны были остаться в братстве их отца [3, 179]. Численность братств, как указывает далее Белл, составляла от 15-20 до 2-3 тысяч членов (Бгажноков приводит цифры большего порядка — см. выше), а сын всегда принадлежал к братству отца, и межсемейные браки внутри любых братств были запрещены, несмотря на их большую численность, поскольку являлись кровосмешением [3, 202-203].

Таким образом, черкесская «патронимия была строго экзогамна» [23, 117], а свойственный ей порядок брачных отношений соответствовал *левирату*, существовавшему среди адыгов, как и среди других народов Кавказа, и характеризовавшему в большинстве случаев группу именно кровных родственников. Впрочем, как замечает Думанов, к XIX в. у кабардинцев соблюдение леви-

рата требовало «доплаты калыма», поскольку «невеста, приобретенная за калым» в это время уже «не становилась собственностью семьи» [22, 19].

Не будет противоречием отождествить термин братство (*fraternity*), использованный для обозначения родственного коллектива у черкесов Беллом, с дагестанским термином *тухум/тохум*, общевайнахским термином *тайна/мейна* — все они обозначают семейно-родственные группы, члены которых должны были, кроме прочего, также как и члены адыгских братств, участвовать в кровомщении или разделять выплаты за убийство [24, 163, 166; 25, 22, 29-30].

Следует уточнить, что дагестанские тухумы отличаются от прочих патронимий Кавказа тем, что всегда существуют только как слагаемые части соседской общины (*джамаата*), а также тем, что предпочтительным порядком брачных отношений в них является *эндогамия* [26, 338, 342-343]. Кроме того, сам термин *тухум/тохум* — семя [19, 100], является в дагестанских языках заимствованием из персидского, тогда как в самих этих языках ему соответствует масса синонимов со значениями 'дом', 'потомство', 'корень' [26, 343].

У вайнахов же заимствованный термин *тайна/мейна*, обозначающий понятия рода, общества, сельской общины, нередко всего села (независимо от его фамильного состава), и потому являющийся «одним из самых дискуссионных в традиционной социальной организации» [27, 198], заменил оригинальные ингушское *ваьр* и чеченское *гIара*, ставшие терминами для обозначения родственных коллективов меньшего порядка, имевших общее происхождение и представлявших *филиации*

одной большой семьи [28, 96]. Члены одного рода у ингушей считаются «братьями» — *вежарий* и «сестрами» — *йижарий* [27, 199]. Поскольку родственное объединение, обозначаемое термином *тайпа/мейпа* могло включать в себя «инородные элементы» в виде целых *гара/вавр* [28, 96], не будет противоречием признать термин *тайпа/мейпа* тождественным термину *клан*, а термины *гара/вавр* — термину *септ*. Это сопоставление может быть оправдано еще и потому, что названия ингушских тайпов могут не отражать генетических связей их членов, а иметь *ойконимическую* основу, являясь изначально не названиями кровнородственных коллективов, а названиями поселений, в которых не *унилокальность* сама по себе, а порождаемая ею совместная хозяйственная деятельность людей закладывала основы «общинного родства» [27, 199]. Интересным здесь также представляется то, что географические наименования с суффиксом *-хой-*, «генерированным» в ингушском языке, по мнению М. С.-Г. Албогачиевой, «от глагола *ха* (осеть) и суффикса принадлежности *-ой...* стали восприниматься как тайповые имена, которые постепенно обрастали мифами и легендами и прочно закреплялись в повседневной жизни новых поколений»; ср.: *Баркенхой*, *Леймой* и т.д. [27, 198-199]

У славян термины, обозначавшие патронимию, также являлись одновременно либо обозначением большой семьи, либо обозначением более широкой, чем патронимия родственной группы. К таким терминам можно отнести восточнославянские *печище*, *дворище*, а также общеславянские *род* и *племе* [20, 101].

У осетин патронимия имела несколько описательных названий: *иу*

фыды фыртта — дети от одного отца, *иу артай байуарга* — от одного очага разделившиеся и *дыггаг хадзар* — второй дом [29, 290]. Как и у других народов Кавказа, патронимия у осетин образовывалась в результате сегментации большой семьи (*æнауæрст бинонтæ* — неразделенная семья), а ее члены участвовали в «кровных делах», производя выплаты или осуществляя мщение [29, 97, 293]. Название родственной группы, состоящей из одной или нескольких патронимий (*фыды-фырт*), передается у осетин термином *мыггаг*, обозначающим родственников, ведущих свое происхождение от общего предка, и обычно переводимого на русский язык термином *фамилия*. Однако следует понимать, что фамилии у осетин стали распространяться среди привилегированных сословий (*алдаров*, *баделят*) со второй половины XVII-XVIII вв. И только с начала XIX в. они получили хождение среди *уазданлагов*, тогда как непривилегированные слои в большинстве своем были «офамилены» кавказской администрацией только в первой половине XIX столетия [30, 152]. Заметим, что в цитируемой работе Ф. Х. Гутнов называет «кланом» «следующих друг за другом потомков Хетага», отмечая, что с конца XVIII — начала XIX в. все члены этого клана именовались уже исключительно Хетагуровыми [30, 151].

Таким образом, можно утверждать, что Белл в своем «Дневнике» использовал три термина для обозначения черкесских братств: *fraternity* (братство), *sept* (септ) и *clan* (клан). Значение общего термина *братство* детализируется автором при помощи терминов *септ* и *клан*, первый из которых можно отождествить с принятым в отечественной традиции термином *патронимия*, тогда

как второй может рассматриваться как обозначающий родственное объединение, которое состоит из нескольких патронимий, не всегда находящихся в кровном родстве, и которое, в свою очередь, может входить в родственный союз, также обозначаемый термином *братство*. Отсутствие в русском языке эквивалентов терминам *sept* (септ) и *clan* (клан), имеющим хождение в языке английском, ведет к использованию

для их перевода слова *rod*, которое не является их полным эквивалентом и, учитывая неопределенность передаваемого им понятия, существующую в отечественной науке, в свою очередь ведет к путанице и двусмысленностям, которые можно устранить, используя оригинальные термины Белла, при понимании соответствующих различий в их значениях, указанных в настоящей статье.

1. Артемова О. Ю. Лукавство или самообман? (О «латеральности» счета родства и некоторых историко-социологических реконструкциях // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 3. С. 21-82.
2. Джемс Белл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 458-531.
3. Bell J. S. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1888 and 1839. In II vols. London: E. Moxon, 1840. Vol. I.
4. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. В 2-х т. /Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Нальчик, 2007. Т. I.
5. Трубочев О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 86-96.
6. Klein E. Comprehensive etymological dictionary of the English language. In II vols. Amsterdam, London, New-York: Elsevier publishing company, 1967. Vol. II. Pp. 855-1773.
7. Murdock G. P. Social structure. New-York, London, 1965.
8. Bell J. S. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1888 and 1839. In II vols. London: E. Moxon, 1840. Vol. II.
9. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. В. 2-х т. /Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Нальчик, 2007. Т. II.
10. Бутинов Н. А. Экзогенное родство // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 4. С. 78-104.
11. A dictionary of the English language/Webster's collegiate dictionary. Springfield, Maas: G. & C. Merriam Co., 1898.
12. Народы и религии мира. Энциклопедия/Гл. ред. В. А. Тишков. М., 1998.
13. Бгажноков Б. Х. Социальная сущность черкесских сопричастных братств // Вестник КБИГИ. 2016. Вып. 2 (29). С. 13-21.

14. Берзегова С. Д. Термины родства и родственные отношения в традиционной культуре адыгов: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2008.
15. Bell J. S. Tagebuch seines Aufenthaltes in Cirkassien während der Jahre 1837, 1838 und 1839. Pforzheim: D. Finck, 1841.
16. Лавров Л. И. Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб., 2009.
17. Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.
18. Бесолова Е. Б. Макроконцепт родства и свойства (Тугхæстæгдзинад æмæ хионты амонæг макроконцепт) в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 9 (48). С. 58-68.
19. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
20. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.
21. Кортаев А. В., Оболонков А. А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // Советская этнография (СЭ). 1989. № 2. С. 36-45.
22. Думанов Х. М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата (Первая половина XIX века): Автореф. дисс. ... док. ист. наук. М., 1991.
23. Коджесау Э. Л. Патронимия у адыгов // СЭ. 1962. № 2. С. 115-120.
24. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.
25. Мамакаев М. А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973.
26. Криштопа А. Е. Горный Дагестан накануне присоединения к России: социальная характеристика // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 327-347.
27. Албогачиева М. С.-Г. Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей // Алгебра родства. СПб., 2012. Вып. 13. С. 198-210.
28. Робакидзе А. И. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи) // СЭ. 1968. № 5. С. 93-105.
29. Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 2004.
30. Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989.